

SERGEI PROKOFIEV

The Tale of the Buffoon

A BALLET

**CONDUCTED AND COMMENTED
BY GENNADY ROZHDESTVENSKY**

**THE GRAND HALL
OF THE MOSCOW CONSERVATORY,
JANUARY 24, 1984**

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

Сказка про шута

1 Геннадий Рождественский о балете С. Прокофьева «Сказка про шута» 7.33

Сергей Прокофьев

«Сказка про шута, семерых шутов перешутившего», балет в шести картинах, соч. 21

Текст читает Геннадий Рождественский

Картина 1. Горница Шута

2 «Жил был Шут...»	2.28
3 «Шут выдумал...»	3.29
4 «Рассорились Шут с Шутихой...»	2.52
5 «Увидели шуты такое чудо...»	1.09
6 «Получив столь солидную сумму...»	1.02

Картина 2. У семерых шутов

7 «Да вернулись семь шутов домой...»	1.42
8 «Жены встретили их танцем...»	1.47
9 «Решили шуты порешить своих жен...»	0.57
10 «Порешили и стали оживлять волшебной плеткой...»	2.56

Картина 3. Двор Шута

11 «И прибежали разъяренные вдовцы к Шуту...»	4.16
12 «Обыскали шуты весь дом...»	1.58

Картина 4. Парадная комната шутов

13 «У семерых шутов было семь дочерей...»	7.20

Картина 5. Спальня Купца

14 «Привел Купец молодую в свою спальню...»	3.28
15 «А когда вытянул простыню обратно...»	2.45

Картина 6. Сад Купца

16 «Стал неутешный Купец хоронить свою женушку...»	3.17
17 «Вдруг приходит Шут...»	2.10
18 «И стал Шут веселиться...»	3.20

Общее время: 54.39

Государственный академический симфонический оркестр СССР

Дирижер – Геннадий Рождественский

1 Gennady Rozhdestvensky about the Sergei Prokofiev's ballet "The Tale of the Buffoon". . . 7.33

Sergei Prokofiev

The Tale of the Buffoon Who Outjested Seven Buffoons, a ballet in six scenes, Op. 21

The text is read by Gennady Rozhdestvensky

Scene 1. The Buffoon's Kitchen

2 "Once upon a time there lived a Buffoon..."	2.28
3 "The Buffoon finally came up with a joke..."	3.29
4 "The Buffoon and the Buffooness are having a fight..."	2.52
5 "The buffoons saw this miracle..."	1.09
6 "With a hefty sum of money..."	1.02

Scene 2. The Seven Buffoons

7 "The seven buffoons came back home..."	1.42
8 "Their wives met them with a dance..."	1.47
9 "The buffoons decided to do away with their wives..."	0.57
10 "So they did and started to bring them back..."	2.56

Scene 3. The Buffoon's Courtyard

11 "The angry widowers ran to the Buffoon..."	4.16
12 "The buffoons searched the house..."	1.58

Scene 4. The Buffoon's Sitting Room

13 "The seven buffoons had seven daughters..."	7.20

Scene 5. The Merchant's Bedroom

14 "The Merchant brought the young woman to his bedroom..."	3.28
15 "And when he pulled the sheet back..."	2.45

Scene 6. The Merchant's Garden

16 "The inconsolable Merchant started to bury his wifey..."	3.17
17 "The Buffoon suddenly appeared..."	2.10
18 "With a wallet in his hand..."	3.20

Total time: 54.39

The USSR State Academic Symphony Orchestra

Conductor – Gennady Rozhdestvensky

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

Сказка про шута

Сергей Прокофьев / Sergei Prokofiev

«Я теперь думал..., что я русский композитор и шуты мои русские...»

Сергей Прокофьев

«Только, пожалуйста, пишите музыку, которая будет действительно русской», – так напутствовал молодого Прокофьева Сергей Дягилев, договариваясь с ним о новом балете. Нуждался ли в подобном наставлении ученик Римского-Корсакова и Лядова, окончивший Санкт-Петербургскую консерваторию? Но именно в «Сказке про шута...» композитор впервые обратился к национальным истокам.

После блестящего завершения фортепианного факультета консерватории (Прокофьев был удостоен премии имени А. Рубинштейна), он поехал в Лондон, где попал на гастрольные спектакли дягилевской антрепризы. Состоялось и личное знакомство с антрепренером, открывшим Европе русское искусство. *«Дягилев был страшно шикарен, во фраке и цилиндре, и протянул мне руку в белой перчатке, сказав, что рад со мной познакомиться, что он давно хотел этого, просит меня посетить его спектакли, а в один из ближайших дней надо серьезно потолковать со мной и послушать мои сочинения», –* описывал Прокофьев их первую встречу. Еще свежи были воспоминания о триумфах Игоря Стравинского, но Дягилев был одержим поиском новых талантов. *«У нас много новостей, и первая это – Прокофьев...», –* писал он другу о молодом авторе, которого позже назвал «вторым сыном». Масштаб личности Дягилева, его эрудиция и неиссякаемая энергия восхищали Прокофьева. Яр-

Сказка про шута

кие впечатления оставили встречи и беседы со Стравинским, с которым они в четыре руки проиграли партитуру «Весны священной». В духе «Весны» Прокофьеву был предложен сценарий балета «Ала и Лоллий» на доисторическую тему.

Однако музыка первого балета, законченного в 1915 году, была забракована Дягилевым (позже Прокофьев переработал партитуру в «Скифскую сюиту»). Он жаждал подлинно русского, национального спектакля. В Италии, после организованных Дягилевым концертов Прокофьева, шла работа над новым сценарием. У Стравинского, работавшего над «Свадебкой» в соседнем номере гостиницы, было позаимствовано «Собрание русских народных сказок» Афанасьева. Стравинский же указал на сказку о шуте как возможный сюжет для балета. Из нескольких вариантов сказки Дягилев, Прокофьев и хореограф Леонид Мясин «легко слепили балетный сюжет в шести картинах...». «...На этот раз, – писал композитор, – Дягилев подписал со мной настоящий контракт на 3000 рублей».

Призыв Дягилева «писать по-русски» вдохновляющее подействовал на композитора. «Мало-помалу я собирал тематический материал для “Шута”... Я стал сочинять мелкие темки, пассажи, закорючки... даже особенно не вникая, куда они пойдут, а лишь представлял себе общую характеристику персонажей и событий балета. К моему удивлению, темки сыпались как из рога изобилия. С такой легкостью мне давно не приходило ничего в голову. Я подходил к роялю несколько раз в день, присаживался минут на пять и почти каждый раз что-нибудь заносил в тетрадь. ... Неожиданно, по прошествии двух-трех майских недель, получился совсем приличный результат: свыше пятидесяти

лоскутков для будущего балета. ...Национальный оттенок довольно ярко сказывался в них. Я всегда теперь думал, когда сочинял, что я русский композитор и шуты мои русские, и это мне открывало совсем новую, непечатую область для сочинения».

Премьера «Сказки про шута, семерых шутов перешутившего» была намечена на май 1916 года. Но расширившийся театр военных действий помешал осуществлению постановки, да и Прокофьев не смог выехать из России, а лишь послал ноты Дягилеву.

В 1918 году Прокофьев писал Дягилеву из Нью-Йорка: «Какие Ваши планы и какова судьба моего бедного Шута, так предательски похороненного в коварных складках Вашего портфеля?» Лишь два года спустя композитор прибыл в Париж. Он согласовал с Дягилевым некоторые переделки партитуры: шесть картин были связаны симфоническими антрактами. Таким образом, фрагментарность первоначальной редакции была преодолена; балет приобрел цельность сквозного симфонизированного действия – от начальных тактов (по определению автора, «посвистываниями и побрякиваниями, как будто с оркестра вытирают пыль перед началом спектакля») до яркой оркестровой палитры финального танца, «так напоминающего знаменитый малявинский “Вихрь” с буйством оттенков красного цвета, заполняющего все полотно» (Николай Барабанов).

Поскольку Леонид Мясин покинул к тому времени труппу «Русского балета», за постановку взялся художник-оформитель Михаил Ларионов, взяв в ассистенты танцора Тадеуша Славинского (он же исполнял роль Шута).

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

Сказка про шута

Премьера состоялась 17 мая 1921 года в театре *La Gaité-Lyrique* под управлением автора; в программах был помещен портрет Прокофьева работы Анри Матисса. *«Критики были хорошие... – вспоминал композитор. – Успех у музыкантов чрезвычайный. Равель сказал, что это гениально. Стравинский, – что это единственно современная вещь, которую он слушает с удовольствием».* При жизни Прокофьева «Шут» был поставлен в Кельне, Монте-Карло, Флоренции; а также единственный раз в СССР в Киевском театре оперы и балета, где, за неимением партитуры сочинения, музыка спектакля была смонтирована из симфонической сюиты.

Вслед за автором «Петрушки» и «Байки» Прокофьев воплощает в балетном жанре скоромошью стихию русского фольклора. Но если Стравинский, прибегая к жанровому синтезу, движется навстречу первоисточнику, то Прокофьеву удалось, оставаясь в рамках «чистой» балетной музыки, создать произведение, глубоко национальное по характеру и при этом лишённое каких бы то ни было черт стилизации или подражательства, отмеченное неповторимой индивидуальностью авторского стиля. По мнению Игоря Вишневецкого, сюжет «Сказки про шута...» – *«...абсолютно карнавальная языческая история с элементами перемены половых ролей... с несерьёзным отношением к смерти и т. п. – словом, со всем тем, чем переполнены настоящие, нецензурированные русские народные сказки»*, вполне мог *«соответствовать несколько мальчишескому отношению к действительности, присущему Прокофьеву»*. Хлесткий и гротескный, подобно ударам «оживляющей» плетки, прокофьевский юмор придает единство пестрому многоцветью образов балета, объединяя Шута и подыгрывающую ему Шутиху с гротескно-лубочными фигурами семерых шутов, их жен и дочерей, «влюбленного»

Купца. После «Шута» Прокофьева вдохновляли совсем другие идеи – к «русской теме» он вернется уже в поздние годы и при других обстоятельствах; но юмор, во всем многообразии оттенков, останется важнейшей «константой» этой линии творчества – в скоморошьей игре при Ледовом побоище («Александр Невский»), в пирушке опричников «Ивана Грозного», в частушечных попевках солдатских сцен «Войны и мира».

В 1922 году Прокофьев составил симфоническую сюиту, в которую, по его собственному признанию, *«вошло $\frac{3}{4}$ музыки балета»*. Сюита из балета «Шут» неоднократно исполнялась и в СССР, но полная партитура долгое время оставалась недоступной. Усилиями Геннадия Рождественского балет впервые прозвучал в нашей стране целиком. В 1986 году «Мелодия» выпустила пластинку с полной записью балета под его управлением (в рамках полного собрания балетной музыки Прокофьева в грамзаписи); но еще в 1984 году маэстро представил балет в концерте в Большом зале Московской консерватории, снабдив звучащую партитуру увлекательными и остроумными пояснениями. Фонограмма этого концерта ранее не издавалась.

В год 100-летия сценической премьеры «Сказки про шута», который совпадает с 130-летним юбилеем со дня рождения Сергея Прокофьева и 90-летием со дня рождения Геннадия Рождественского, оставившего потомкам эталонные интерпретации прокофьевской музыки, «Мелодия» впервые публикует запись первого исполнения музыки балета Прокофьева в нашей стране.

Борис Мукосей

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

Сказка про шута

Геннадий Рождественский / Gennady Rozhdestvensky

[Трек 1]. «Сказка о шуте, семерых шутов перешутившего» – так называется первый балет Сергея Прокофьева, написанный им в Париже в 1921 году и посвященный Сергею Павловичу Дягилеву. Личность Дягилева была совершенно уникальной в истории русской культуры. Собственно говоря, трудно сказать, кем был Дягилев, какова была его профессия. С одной стороны, он был блестящим знатоком изобразительного искусства (достаточно вспомнить организованную им превосходную выставку русского портрета в начале нашего века в Петербурге или роскошно изданную монографию о художнике [Дмитрии] Левицком), с другой стороны, Дягилев был знатоком театра, балета, оперы. Он был крупным библиофилом. Известно, что в его собрании находились многие первоиздания сочинений русских авторов, в том числе увражи Ивана Фёдорова.

Театральная деятельность Дягилева прежде всего может быть охарактеризована как деятельность активного пропагандиста русского искусства за границей. Причем деятельность эта продолжалась более 25 лет. Число постановок, осуществленных под наблюдением Дягилева (может быть, опять-таки слово, определение «под наблюдением» не совсем подходит к данной ситуации)... Число постановок, инспирированных Дягилевым, вдохновленных Дягилевым, достигает числа 80. Эта цифра очень большая. Среди композиторов, сотрудничавших с Дягилевым, были Стравинский, Прокофьев, Дебюсси, Равель, Респиги и многие другие; среди художников – Пикассо, Ларионов, Гончарова, Бакст, Жорж Руо, Кирико; среди артистов балета – Нижинский, Спесивцева, Карсавина, Мясин. В спектаклях Дягилева принимал участие Фёдор Иванович Шаляпин. Дирижировали спектаклями дягилевской антрепризы Пьер Монте, Эрнест Ансерме, Томас Бичем. Вот какой фигурой был Сергей Павлович Дягилев.

Сказка про шута

Прокофьев сказал о Дягилеве следующее: *«Дягилев – да, был не только антрепренером, но и тонким человеком искусства. Он мог до дна разбираться и в музыке, и в живописи, и в хореографии. Суждения его были остры и парадоксальны. Он корил меня за любовь к разнообразным музыкам. “В искусстве, – говорил он, – Вы должны, Вы обязаны уметь ненавидеть, иначе Ваша собственная музыка потеряет всякое лицо”. “Но ведь это ведет к узости!” – возражал я. “Пушка оттого далеко стреляет, что узко бьет”, – парировал Дягилев».*

После смерти Дягилева Прокофьев писал Асафьеву: *«Образ Дягилева до того ярко и живуч, что я еще не ясно представляю его ушедшим. Скорее, поразило исчезновение громадной и, несомненно, единственной фигуры, размеры которой увеличиваются по мере того, как она удаляется».*

Либретто балета «Сказка о шуте, семерых шутов перешутившего» написано Прокофьевым по материалам сборника русских народных сказок, собранных Александром Афанасьевым, этой знаменитой трехтомной коллекции русских народных сказок. В этой коллекции существует целая серия сказок про шутов, разных вариантов сказок про шутов. Прокофьев выбрал два варианта этой сказки. Причем любопытно, что оба эти варианта взяты им из Пермской губернии с определенными языковыми особенностями этого края, и, кстати сказать, Пермская губерния была родиной Дягилева. Когда Прокофьев встретился с Дягилевым для обсуждения либретто балета, Дягилев сказал: *«Только пишите такую музыку, чтобы она была русской».* И «Шут» действительно очень «русский» балет Прокофьева. *«Русский материал, – вспоминает Прокофьев, – сочинялся с большой легкостью, точно я коснулся непочатого края или посеял на целине, и новая земля принесла неожиданный урожай».* В партитуре балета «Шут»

Прокофьев предстает перед нами глубоко национальным художником. Но национален он, по меткому выражению Сергея Эйзенштейна, *«не квасом и щами условно-русского псевдореализма, национален он и не водой и духом деталей быта. Прокофьев национален строгостью традиций, восходящих к первобытному скиффу и неповторимой чеканности резного камня XIII века на соборах Владимира и Суздаля. Вот почему так прекрасно звучит в Прокофьеве древность – не через архаизм или стилизацию, но сквозь самые крайние и рискованные изломы ультра-современного музыкального языка. И везде искание. Искание – строгое, методическое, роднящее Прокофьева с мастерами раннего Возрождения, где живописец одновременно и философ, а скульптор – неразрывно математик. Не произвол кисти, но ответственность объектива чудится в его руках».*

Сегодня в нашем концерте будет исполнена не сюита из балета «Шут», как это по непонятным причинам фигурирует в программках, которые вы держите в руках. А будет исполнена полностью музыка балета «Шут», и причем, впервые в нашей стране, что тоже, по непонятным причинам, в программе не указано. В чем же заключается содержание балета «Шут»? А вот в чем...

[Трек 2]. Жил был Шут. У Шута была жена Шутиха. Шут сидел на печи и придумывал, какую бы ему вышутить шутку. Шутиха мыла пол.

[Трек 3]. Шут выдумал, прыгнул с печи и сказал: *«Хозяйка, смотри: придут к нам семь шутов, я велю тебе собирать на стол, а ты не захоти. А я возьму тебя и убью. А когда ты упадешь, я возьму плетку. Ударю раз – ты пошевелись! Ударю два – ты поворотись! Ударю три – ты стань и походи собирать на стол. Тогда мы дорого продадим плетку».* Сказано – сделано. Явились семь шутов.

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

Сказка про шута

[Трек 4]. Рассорились Шут с Шутихой. Слово за слово, слово за слово, слово за слово... Убил Шут Шутиху. И принес волшебную плетку. Первый удар! Второй удар! Третий удар! Глядь: воскресла Шутиха!

[Трек 5]. Увидели шуты такое чудо... Эх! Заплатили за плетку триста рублей.

[Трек 6]. Получив столь солидную сумму, Шут возрадовался несказанно. Они с Шутихой просто помирали со смеху.

[Трек 7]. Да вернулись семь шутов домой.

[Трек 8]. Жены встретили их танцем.

[Трек 9]. Решили шуты порешить своих жен.

[Трек 10]. Порешили и стали оживлять волшебной плеткой. Ни одна из них не воскресла.

[Трек 11]. И прибежали разъяренные вдовцы к Шуту, чтобы расправиться с ним за такую проделку. А Шут спрятал свою Шутиху, сам переоделся женщиной, будто своей сестрой, сел за пряжу. Сидит и прядет.

[Трек 12]. Обыскали шуты весь дом, но не нашли виновника. Видят, сидит сестра и прядет. Схватили они молодуху и увели к себе: пусть служит стряпкой, пока не найдут Шута.

[Трек 13]. У семерых шутов было семь дочерей, и пришла пора выдавать их замуж. Приехал к ним Купец с двумя свахами, богатый-пребогатый. То-то была радость! Но Купцу шутиные дочери что-то не приглянулись, и он выбрал стряпку.

[Трек 14]. Привел Купец молодую в свою спальню, а женошка и не знает, как ей быть. Говорит она мужу: *«Ох, родной, что-то плохо мне. Высади меня в окошко по холсту пробежаться, а как тряхну холстом, тяни назад»*. Купец послушался, обвязал жену простыней и опустил за окно.

[Трек 15]. А когда вытянул простыню обратно, на простыне болталась козлуха. Испугался Купец, стал звать челядь и домашних: *«Спасите, спасите, добрые люди, жена оказалась козлухой!»* Прибежали дружки, взялись наговаривать, начали козлуху тормошить и подбрасывать, да так разошлись, что доконали козлуху до смерти.

[Трек 16]. Стал неутешный Купец хоронить свою женошку. А шуты тут как тут. Перескочили через забор да кривляются: поделом тебе, что ты выбрал стряпку.

[Трек 17]. Вдруг приходит Шут, и с ним семеро солдат: *«Что вы наделали! Где моя сестра?»* А те к нему с козлухой. Шут Купца за бороду: *«Такой, сякой! Взял сестру, а отдаешь козлуху! Я тебя!..»* Перепугался Купец, отдал триста рублей, лишь бы уж отпустили.

[Трек 18]. И стал Шут веселиться с бумажником и со своей Шутихой, а солдаты с шутиными дочерьми.

SERGEI PROKOFIEV

The Tale of the Buffoon

Сергей Прокофьев / Sergei Prokofiev

“Now I thought ... that I was a Russian composer and my buffoons were Russian...”

Sergei Prokofiev

“Please do write music that is truly Russian”, Sergei Diaghilev admonished the young Prokofiev while negotiating with him about a new ballet. Did the student of Rimsky-Korsakov and Lyadov, the graduate of the St. Petersburg Conservatory, really need such an admonition? Whatever the case may be, but with *The Tale of the Buffoon* the composer turned to his national origins for the first time.

After his brilliant graduation from the piano faculty of the conservatory (Prokofiev was awarded the Arthur Rubinstein Prize), he went to London, where Diaghilev’s private theatre company was on tour. A personal acquaintance with the entrepreneur who opened Europe’s eyes to Russian art also took place. *“Diaghilev was terribly gorgeous, in a tailcoat and a top hat, and held out his hand in a white glove saying that he was glad to meet me, that he wanted it for a long time, asked me to attend his performances, and one of the coming days he would need to talk seriously and listen to my compositions”,* Prokofiev described their first meeting. Memories of Igor Stravinsky’s triumphs were still fresh, but Diaghilev was obsessed with the search for new talents. *“We have a lot of news, and the first is Prokofiev”,* he wrote to a friend about the young composer, whom he later called his “other son”. The scale of Diaghilev’s personality, his erudition and inexhaustible energy amazed Prokofiev. His meetings and conversations with Stravinsky also left vivid impressions. Together they played the score of *The Rite of Spring* on the piano

The Tale of the Buffoon

four-hands. In the spirit of *Spring*, Prokofiev was offered a script for the ballet *Ala i Lolli* based on a prehistoric theme.

However, Diaghilev rejected the music of the first ballet completed in 1915 (later Prokofiev reworked the score into *The Scythian Suite*). He longed for a truly Russian, national performance. The work on a new script was underway in Italy, after Prokofiev's recitals organized by Diaghilev. Afanasyev's *Collection of Russian Folk Tales* was borrowed from Stravinsky, who worked on *Les Noces* in a nearby hotel room. Stravinsky pointed to the tale of the buffoon as a possible subject for the ballet. Out of several versions of the tale available in the collection, Diaghilev, Prokofiev and the choreographer Léonide Massine "*easily knocked off a ballet plot in six scenes*".

"*This time, Diaghilev signed a real contract with me for 3,000 rubles*", the composer wrote.

Diaghilev's call to write Russian music inspired the composer. "*Little by little, I collected thematic material for The Buffoon ... I started to compose small themes, passages, ticks... even without trying to grasp where they would go. I just imagined a general description of the characters and events of the ballet. To my surprise, the themes poured out in bunches. It had not occurred to me that easily for a long time. I'd go up to the piano several times a day, sit down for about five minutes and put something down in a notebook almost every time. ... Suddenly, after two or three weeks in May, I got a pretty decent result: over fifty scraps for the future ballet. ... They had a quite obvious national flavor. Now I always thought when I was composing that I was a Russian composer and my buffoons were Russian, and that opened up a whole new area for composing*".

The premiere of *The Tale of the Buffoon Who Outjested Seven Buffoons* was scheduled for May 1916, but the expanded theatre of war impeded the production. Prokofiev could not leave Russia and sent the score to Diaghilev.

In 1918, Prokofiev wrote to Diaghilev from New York: "*What are your plans and what is the fate of my poor Buffoon, so treacherously buried in the insidious folds of your briefcase?*" Only two years later, the composer arrived in Paris. He and Diaghilev agreed on some alterations of the score: six scenes were connected by symphonic intermissions. Thus, the fragmentary nature of the original edition was overcome; the ballet acquired the integrity of an end-to-end symphonized performance – from the initial bars (according to the composer's definition, "*whistling and rattling, as if dusting the orchestra before the performance starts*") to the bright orchestral palette of the final dance "*so reminiscent of Malyavin's famous Whirlwind with its riot of shades of red that fill the entire canvas*" (Nikolai Barabanov).

Since Léonide Massine had left the troupe of the Ballets Russes by that time, the designer Mikhail Larionov took on the production, taking the dancer Thaddeus Slavinsky (he also played the role of the Buffoon) as his assistant. The premiere took place on May 17, 1921 at La Gaité Lyrique Theatre under the composer's baton; the playbills had the portrait of Prokofiev by Henri Matisse on them.

"*The critics were good*", the composer recalled. "*The musicians enjoyed an extraordinary success. Ravel said it was brilliant. Stravinsky – that it is the only modern thing that he listens to with pleasure*".

The Tale of the Buffoon

In Prokofiev's lifetime, *The Buffoon* was staged in Cologne, Monte Carlo, Florence, and only once in the USSR, at the Kiev Theatre of Opera and Ballet, where, without the score of the work, the music of the production was edited on the basis of the symphonic suite.

Following the composer of *Petrushka* and *The Fable*, Prokofiev realizes the *skomorokh* element of Russian folklore in the ballet genre. While Stravinsky, who resorts to genre synthesis, moves towards the original source, Prokofiev manages to create a work that is deeply national in character and at the same time devoid of any features of stylization or imitation, the one that is marked by the composer's unique style, while staying within the framework of "pure" ballet music. According to Igor Vishnevetsky, the plot of *The Tale of the Buffoon*, "an absolutely carnival pagan story with elements of crossdressing ... with a frivolous attitude towards death, etc. – in a word, with all things that the real, uncensored Russian folk tales are full of," might as well "correspond to Prokofiev's somewhat boyish attitude towards reality". Prokofiev's humor, as scathing and grotesque as blows of the "life-giving" lash, brings unity to the colorful images of the ballet, uniting the Buffoon and his Buffooness with the grotesquely primitivistic characters of the seven buffoons, their wives and daughters who are "in love" with the Merchant. After *The Buffoon*, Prokofiev was inspired by completely different ideas – he would return to the "Russian theme" in his late years and under different circumstances; but humor, in a variety of colors, would remain the most important constant of this line of creativity – in the *skomorokh* music during the scene of the Battle on the Ice from the movie *Alexander Nevsky*, in the feast of the guardsmen in *Ivan the Terrible*, and in the *chastushka* tunes of the soldiers' scenes in *War and Peace*.

In 1922, Prokofiev composed a symphonic suite, which, by his own admission, "included $\frac{3}{4}$ of the ballet's music". The suite from *The Buffoon* was repeatedly performed in the USSR, but the complete score remained unavailable for a long time. The ballet was performed in this country in its entirety for the first time through the efforts of Gennady Rozhdestvensky. In 1986, *Melodiya* released an LP with a complete recording of the ballet made under his baton (as part of the complete recordings of Prokofiev's ballet music). However, back in 1984, the maestro presented the ballet in a concert at the Grand Hall of the Moscow Conservatory, providing the score with amazing and witty explanations. The phonogram of that concert has not been released before.

In the year of the 100th anniversary of the stage premiere of *The Tale of the Buffoon*, which coincides with the 130th anniversary of Sergei Prokofiev's birth and the 90th anniversary of the birth of Gennady Rozhdestvensky, the conductor who left a number of reference interpretations of Prokofiev's music for posterity, *Melodiya* releases for the first time the recording of the first domestic performance of the music from Prokofiev's ballet.

Boris Mukosey

The Tale of the Buffoon

Геннадий Рождественский /
Gennady Rozhdestvensky

[Track 1]. *The Tale of the Buffoon Who Outjested Seven Buffoons* is the name of Sergei Prokofiev's first ballet written in Paris in 1921 and dedicated to Sergei Diaghilev. Diaghilev was completely unique personality in the history of Russian culture. As a matter of fact, it is difficult to say what Diaghilev was, what his profession was. On the one hand, he was a brilliant connoisseur of fine arts (suffice it to recall the excellent exhibition of Russian portraiture organized by him at the beginning of our century in St. Petersburg, or the sumptuous edition of the monograph about the artist [Dmitri] Levitsky). On the other hand, Diaghilev was a connoisseur of theatre, ballet, and opera. He was a major bibliophile. It is known that his collection included many first editions of Russian authors' works, including a number of Ivan Fedorov folios.

Diaghilev's theatrical activity can be primarily characterized as that of an enthusiastic advocate of Russian art abroad. Moreover, that activity lasted more than 25 years. The number of productions made under Diaghilev's supervision (maybe, again, the definition "under supervision" does not quite fit this situation)... The number of productions inspired by Diaghilev, incited by Diaghilev, reaches 80. It's a very large number. Among the composers who collaborated with Diaghilev were Stravinsky, Prokofiev, Debussy, Ravel, Respighi, and many others; among the artists – Picasso, Larionov, Goncharova, Bakst, Georges Rouault, Chirico; among the ballet dancers – Nijinsky, Spesivtseva, Karsavina, Massine. Feodor Chaliapin took part in Diaghilev's performances. The productions of the Diaghilev enterprise were conducted by Pierre Monteux, Ernest Ansermet, Thomas Beecham. This is the kind of figure Sergei Diaghilev was.

This is what Prokofiev said about Diaghilev: *"Diaghilev – yes, he was not only an entrepreneur, but also a refined man of art. He could understand music, painting, and choreography to the very core. His judgments were sharp and paradoxical. He reproached*

The Tale of the Buffoon

me for my love of different kinds of music. “In art, you must, you are obliged to be able to hate, otherwise your own music will lose face at all”, he said. “But it would lead to narrowness!” I objected. “A cannon shoots far because it hits narrowly”, Diaghilev retorted”.

After Diaghilev’s death, Prokofiev wrote to Asafiev: “Diaghilev’s image is so bright and enduring that I still do not clearly imagine him gone. Rather, I was struck by the disappearance of the huge and, undoubtedly, the only figure, the size of which grows as it recedes”.

The libretto of the ballet *The Tale of the Buffoon Who Outjested Seven Buffoons* was written by Prokofiev on the basis of the collection of Russian folk tales collected by Alexander Afanasyev, that famous three-volume collection of Russian folk tales. The collection includes a whole series of tales about buffoons, different versions of tales about buffoons. Prokofiev chose two versions of this tale. Moreover, it is interesting that he took both of the versions from the Perm province with certain linguistic peculiarities of this region, and, incidentally, the Perm province was Diaghilev’s birthplace. When Prokofiev met with Diaghilev to discuss the libretto for the ballet, Diaghilev said: “Just write the kind of music that is Russian”. And *The Buffoon* is really a very “Russian” Prokofiev ballet. “I was composing the Russian material with great ease, as if I touched an untouched land or sowed on virgin soil, and the new land gave an unexpected harvest”, Prokofiev recalled. In the score of *The Buffoon*, Prokofiev appears before us as a deeply national artist. But what makes him national, as Sergei Eisenstein aptly put it, is “not kvass and cabbage soup of conventionally Russian pseudo-realism, it is not the water and the spirit of everyday details that make him national. Prokofiev is national through the strictness of the traditions dating back to a primitive Scythian and the unique embossing of the 13th century carved stone on the cathedrals of Vladimir and Suzdal. That is why old times sound so beautifully with Prokofiev – not through archaism or stylization, but through the most extreme and risky fractures of the ultramodern musical language.

And there is searching everywhere. The search is strict, methodical, creating an affinity between Prokofiev and the masters of the early Renaissance, where a painter is at the same time a philosopher, and a sculptor is inseparably a mathematician. It seems his hands are not arbitrary as a brush, but responsible as a lens”.

Tonight, we aren’t going to perform the suite from *The Buffoon* as the playbills in your hands say for some unknown reason. Instead, we are going to perform the entire music of *The Buffoon*, and, moreover, we will do it for the first time in this country, the fact that is not indicated in the playbill for some unknown reason. So, what’s *The Buffoon* about? It’s about as follows...

[Track 2]. Once upon a time there lived a Buffoon. The Buffoon had the Buffooness for a wife. One day, the Buffoon was sitting on a stove and thinking of a joke to play. The Buffooness was washing the floor.

[Track 3]. The Buffoon finally came up with a joke. He jumped off the stove and said: “Mistress, look: seven buffoons will come to us, I will tell you to set the table, but you wouldn’t to do it. And then I’ll suddenly kill you. And when you’ll fall, I’ll take a lash. I’ll hit you once – you’ll move! I’ll hit you twice – you’ll turn! I’ll hit you thrice – you’ll get up and go set the table. And then we’ll sell the lash for lots of money”. So said so done. Seven buffoons appeared.

[Track 4]. The Buffoon and the Buffooness are having a fight. One word leads to another, one word leads to another, one word leads to another... The Buffoon killed the Buffooness and brought the magic lash. First lash! Second lash! Third lash! And then, the Buffooness came back to life!

The Tale of the Buffoon

[Track 5]. The buffoons saw this miracle... Oh! They paid three hundred rubles for the lash.

[Track 6]. With a hefty sum of money in his hands, the Buffoon was overjoyed. He and the Buffooness almost died laughing.

[Track 7]. The seven buffoons came back home.

[Track 8]. Their wives met them with a dance.

[Track 9]. The buffoons decided to do away with their wives.

[Track 10]. So they did and started to bring them back to life with the magic lash. None of them came back to life.

[Track 11]. The angry widowers ran to the Buffoon to deal shortly with him for such a trick. The Buffoon hid the Buffooness, disguised himself as a woman as if she was his sister and sat down to spin yarn. Sitting and spinning.

[Track 12]. The buffoons searched the house through and through, but did not find the culprit. Then they saw his sister sitting and spinning. They grabbed the young woman and took her to their place: she would be their cook until they find the Buffoon.

[Track 13]. The seven buffoons had seven daughters, and it was time to marry them off. A very rich Merchant came to them with two matchmakers. What a joy! But the Merchant did not like the buffoons' daughters and chose the cook instead.

[Track 14]. The Merchant brought the young woman to his bedroom, but his wifey did not know what she could do about it. So she says to her husband: *"Oh, dear, I am not well. Let me go down through the window on a bed sheet so I can get some air. When I give a tug at the sheet, pull me back in"*. The Merchant obeyed, tied a sheet around his wife and let her go down through the window.

[Track 15]. And when he pulled the sheet back, a nanny goat dangled on the bed sheet. The Merchant got scared and started to call his servants and family: *"Save me, save me, good people, my wife has turned into a nanny goat!"* His cronies came running and started to jabber. They tormented and tossed up the nanny goat, and got so wild that finished the nanny goat off.

[Track 16]. The inconsolable Merchant started to bury his wifey. The buffoons got there in an instant. They jumped over the fence and grimaced: it serves you right for choosing the cook.

[Track 17]. The Buffoon suddenly appeared with seven soldiers: *"What have you done? Where is my sister?"* And they showed him the nanny goat. The Buffoon grabbed the Merchant by the beard: *"You so and so! You took my sister and now you give me a nanny goat! I will!"* The Merchant got scared and gave him three hundred rubles, only wishing that they let him go.

[Track 18]. With a wallet in his hand, the Buffoon and his Buffooness are rejoicing. So are the soldiers with the buffoons' daughters.

ЗАПИСЬ С КОНЦЕРТА В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ 24 ЯНВАРЯ 1984 ГОДА.
ЗВУКОРЕЖИССЕР – ИГОРЬ ВЕПРИНЦЕВ
РЕМАСТЕРИНГ – НАДЕЖДА РАДУГИНА
РУКОВОДИТЕЛИ ПРОЕКТА: АНДРЕЙ КРИЧЕВСКИЙ,
КАРИНА АБРАМЯН
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР – НАТАЛЬЯ СТОРЧАК
ДИЗАЙН – ГРИГОРИЙ ЖУКОВ
ПЕРЕВОД – НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ
ЦИФРОВОЕ ИЗДАНИЕ: ДМИТРИЙ МАСЛЯКОВ, РОМАН ТОМЛЯНКИН
НА ОБЛОЖКЕ ПОРТРЕТ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА РАБОТЫ ХУДОЖНИКА АНРИ МАТИССА, 1921 ГОД.

RECORDED LIVE AT THE GRAND HALL OF THE MOSCOW CONSERVATORY ON JANUARY 24, 1984.
SOUND ENGINEER – IGOR VEPRINTSEV
REMASTERING – NADEZHDA RADUGINA
PROJECT SUPERVISOR – ANDREY KRICHEVSKIY
LABEL MANAGER – KARINA ABRAMYAN
EXECUTIVE EDITOR – NATALIA STORCHAK
DESIGN – GRIGORY ZHUKOV
TRANSLATION – NIKOLAI KUZNETSOV
DIGITAL RELEASE: DMITRY MASLYAKOV, ROMAN TOMLYANKIN
ON THE COVER IS A PORTRAIT OF SERGEI PROKOFIEV BY HENRI MATISSE, 1921.

MEL CO 0753

© ИГНАТОВИЧ/РИА НОВОСТИ, 2021 © АО ФИРМА МЕЛОДИЯ, 2021. 123423, МОСКВА, КАРАМЫШЕВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, Д. 44, INFO@MELODY.SU
ВНИМАНИЕ! ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОПИРОВАНИЕ), СДАЧА В ПРОКАТ, ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ
И ПЕРЕДАЧА В ЭФИР БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

WARNING: ALL RIGHTS RESERVED. UNAUTHORISED COPYING, REPRODUCTION, HIRING, LENDING, PUBLIC PERFORMANCE AND BROADCASTING PROHIBITED.
LICENCES FOR PUBLIC PERFORMANCE OR BROADCASTING MAY BE OBTAINED FROM JSC «ФИРМА МЕЛОДИЯ», KARAMYSHEVSKAYA NABEREZHNAJA 44, MOSCOW, RUSSIA, 123423, INFO@MELODY.SU.
IN THE UNITED STATES OF AMERICA UNAUTHORISED REPRODUCTION OF THIS RECORDING IS PROHIBITED BY FEDERAL LAW AND SUBJECT TO CRIMINAL PROSECUTION.

/FIRMAMELODIYA

WWW.MELODY.SU